

DE PRINCIPIIS

Клейн Л.С.

ФУНКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Klejn L.S. Functions of archaeological theory.

Is archaeological theory necessary? The answer is expected from the theoretical archaeology. Strange as it is, works devoted to this issue are nearly absent in archaeological literature. In this article various stages of full empirical archaeological inquiry are considered in order to detect whether in each of them archaeological theory plays any role, and if it does, which namely.

There are the following functions analysed: 1) identificative; 2) integrative; 3) selective; 4) descriptive; 5) systematising; 6) explanative; 7) predictive; 8) instrumental; 9) heuristic; 10) controlling; 11) synthesising; 12) enlightening.

Every of them is connected with difficulties, especially the explanative and predictive functions. So the sections devoted to these two functions are entitled not simply with the designation of the function but as «The problem of explanative function» or «The problem of predictive function». Properly speaking the explanative functions is expressed in archaeology as interpretative one (not in the sense which this word has in hermeneutics but rather which it has in translation practice). The predictive function (some theorists speak on retrodiction instead of prediction in archaeology) is expressed as reconstructive one.

1. Трудный вопрос. В статье «Философия археологии», предваряющей сборник работ Дэвида Кларка, Глин Айзек (Isaac 1979: 15) адресует сборник как заинтересовавшимся теорией, так и тем, кто задает вопрос: «К чему нам возиться с теорией?». «Разве мы плохо жили и работали до сих пор без теоретической археологии?» – подначивает и Я. А.Шер в предисловии к книге Ж.-К.Гардена «Теоретическая археология»(1983: 5), вкладывая этот вопрос в уста воображаемого археолога-эмпирика.

Ну, уж на этот-то вопрос Шер мог бы ответить сразу, сославшись на Д. Кларка. В «Аналитической археологии» (1968: XIII) Кларк показал, что хотя с давних пор «археологи не имеют согласия насчет центральной теории, однако независимо от места, периода и культуры они используют схожие молчаливо подразумеваемые модели и процедуры, основанные на схожих и различных объектах – признаках, артефактах, типах, комплексах, культурах и группах культур». И позже Кларк утверждал (1970: 29): «центральная теория, объединяющая археологию, имплицитно присутствует в том, что археологи делают, она составляет реальную центральную теорию, сколь бы слабым и неадекватным ни оказалась любое ее письменное изложение».

Археолог-эмпирик, полагающий, что всегда обходился без теории, напоминает мольеровского мещанина во дворянстве, не подозревавшего, что всю жизнь разговаривал прозой. Но подспудная теоретическая концепция неизбежно оказывается смутной, неполной, недостаточно разработанной и слабо обо-

снованной. Это плохая проза. Эксплицитное представление теории позволяет лучше использовать ее достоинства и раньше обнаружить ее недостатки.

Однако вопрос, четко сформулированный Айзеком и подразумеваемый в формулировке Шера, остается. Оба автора дистанцируются от скепсиса своих воображаемых оппонентов, но скепсиса, вполне реального, с которым они, конечно, не раз сталкивались. Польза от теории для археологии представляется им несомненной, и готовый ответ они видят в трудах Д. Кларка и Ж.-К. Гардена.

Между тем, сами эти авторитеты как раз высказывали свое сожаление по поводу того, что ответить позитивно и общедоступно на этот вопрос пока нельзя. Кларк, разделив археологов на признающих необходимость теории для археологии и тех, кто не видит такой необходимости, заявил (1968: 22), что его «Аналитическая археология» предназначена для первых, а вторые «несомненно, продолжают культивировать ... узкие аспекты узких проблем, закрывая глаза шорами». «Теоретическая археология все еще не доказала своей необходимости», – просто отметил Гарден (1983: 32).

В его словах сквозит понимание того, что доказательства ожидаются от теоретической археологии. Если же подходить к этому делу с позиций теоретика, то доказывать нужно не примерами принесенной пользы (сколько бы этих примеров ни было, всегда можно привести контрпримеры – бесполезности или даже вреда конкретных теоретических концепций), а строгой логикой, методологическим анали-

зом. Вопрос о пользе от теорий для археологии в переводе на язык методологического анализа оборачивается вопросом о функциях археологической теории.

Работ, посвященных этому вопросу, в археологической литературе почти нет. Зарубежные работы такого рода мне просто неизвестны, а из работ на русском языке могу назвать небольшую статью В. В. Радилловского (1985) и главу в книге В. Ф. Генинга «Структура археологического познания» (1989:156 – 193). Оба автора перенесли на археологию разработки, существующие в советской философской литературе и сделанные главным образом для естественных и точных наук (Печенкин 1972; Баженов 1973; Рузавин 1978). Разработки эти в свою очередь частично опираются на труды известных зарубежных специалистов по логике науки.

У Радилловского функций археологической теории четыре: описательная, объяснительная, предсказательная и синтезирующая – этот список он заимствовал у Баженова. Генинг оставляет из них только две – описательную и объяснительную, но добавляет к ним систематизирующую, которую он взял от Рузавина. Оба автора старательно подыскивают аргументы для уподобления археологической теории теориям физическим, химическим, социологическим: все у археологов как у людей – и объяснения, и предсказания, и систематизация... Если мы будем исходить из интересов археологии, список функций будет гораздо более полным, а вот наиболее популярные функции – объяснительная и предсказательная – окажутся как раз под вопросом.

Рассуждения обоих археологов о функциях представляются не очень уместными.

У Радилловского объяснительная функция выражается в классификациях, поиске аналогий, применении математических методов; с предсказательной функцией у него связан переход от частной гипотезы к фундаментальной. Логика подобных заключений от меня ускользает. У Генинга систематизирующая функция теории сводится к упорядочению материала – артефактов, то есть к типологии, картографии, статистике. Типология и картография, конечно, нужны, статистика полезна. Только вот роль теории в этих сферах так и не показана. Объяснение Генинг понимает как подведение конкретного археологического факта (экспланандум) под общее положение социологического характера (эксплананс) через некоторые археологические спецификации этого социологического положения. Вся эта социологизация для Генинга естественна: это его понимание предмета, задач археологии. А так как социология для него — это исторический материализм, часть марксистской философии, то столь же естественно для него и наложение фило-

софской теории на археологическую ситуацию, и прямое перенесение функций теории из философских разработок в археологические.

Поскольку я исхожу из другого понимания предмета и природы археологии (Клейн 1977а; 1978а; 1986; 1992), да и из другого представления о теории (Клейн 1978б), мне видится больше смысла в том, чтобы последовательно рассмотреть различные ступени конкретно-археологического исследования с целью обнаружить, играет ли какую-то роль на каждой из них археологическая теория и, если играет, то какую именно. При этом стоит проверить и традиционные общенаучные представления о функциях – сколь они значительны в археологии, сколь реализованы в ней.

2. Оознавательная функция (1). При таком подходе с самого начала придется ввести в список функцию, которой в общенаучных рассуждениях философов нет, – оознавательную. Дело в том, что само выделение поля для археологического изучения, а следовательно, и самое общее отграничение материалов для исследования, да и подход к ним, короче, определение предмета и целей археологии формируется в сфере теоретической. Что считать объектом археологии, в чем состоит археологичность, определяет теория. Если нет ясной теории, то прямым следствием является путаница и в отнесении тех или иных объектов к компетенции археолога. А следовательно, и споры о применимости к данным объектам ее методов.

Издавна археология стабилизировалась как изучение вещественных древностей. Под вещами понимаются объекты материальной культуры, материальные произведения человека. Таким образом, археологичность определяется двумя характеристиками: 1) принадлежностью к материальной культуре и 2) древностью. Оба понятия не столь просты, как может показаться. Оба требуют как эмпирического обоснования, так и теоретической разработки.

Принадлежность к материальной культуре устанавливается по наличию признаков человеческой обработки, выявляемых на основе обобщения результатов опыта и наблюдения. Но культура предполагает обработку если не целенаправленную, то, по крайней мере, целесообразную, соответствующую некоторым культурным нормам и традициям. Значит, требуется теоретический анализ понятия культуры и ее подразделения – материальной культуры, а также ее составляющих – норм и традиций.

Древность устанавливается также конкретным анализом, по отложившимся в длительном опыте науки признакам. Но никакие эмпирические обобщения не диктуют, какой именно возраст требуется для признания вещи

археологическим объектом, сколь древней должна быть эта вещь. Тут тоже требуется теоретический анализ проблемы.

Говоря об источниковедческом изучении исторических объектов, Г.А. Антипов (1987: 49 – 50) перечисляет возможные ошибки идентификации и сопровождает свой перечень только археологическими примерами. На каждую из двух моих характеристик археологичности (древность и принадлежность к материальной культуре) у него приходится по два возможных промаха в идентификации – переоценка (когда неархеологический объект принят за археологический) и недооценка (когда упущен археологический объект). Получилось четыре категории ошибок: ошибки 1) модернизации, 2) архаизации, 3) социализации (природные объекты приняты за культурные) и 4) натурализации (наоборот, культурные не распознаны, сошли за природные).

Примерами у него служат соответственно: раскрашенные гальки из Мас д'Азиль, кремневые детали молотилок нового времени, золиды. Антипов не нашел примера для четвертого вида ошибок, но такой легко добавить: древние сосуды, которые в Польше в эпоху Возрождения принимались за произведения природы.

Таким образом, определение археологичности опирается на теорию, и в то же время это вполне конкретная задача, исходная для археологического изучения. Соответственно различно формулируемой теории, по-разному решалась и эта задача.

Когда археологическая теория, сколь бы расплывчато и неясно ни была она сформулирована, рассматривалась археологами как часть географии (а такое время было), археологическими объектами считались древности, способные быть достопримечательностями края, – курганы, городища, крепости и храмы. Когда археологическая теория формировалась в искусствоведческом ключе, статуса археологических памятников удостаивались главным образом памятники древнего искусства. Ориентировка на обслуживание истории породила представление об археологическом источнике и обратила археологов к изучению всяких древностей, не только эстетически выразительных, но все еще всерьез учитывались только уникальные, эффектные, красноречивые. Для включения массового материала (керамики, кремневых отщепов и т.п.) в сферу внимания археологов потребовалось осознание важности истории культуры и, как выражаются французские историки, истории структур. Именно тогда объектами археологического изучения стали не только собственно вещи, но и всякие материальные следы человеческой деятельности.

Споры о крайних хронологических границах сферы археологии – до какого века простира-

ется ее компетенция и с какого момента начинается – носят обычно отвлеченный характер, очень большая точность здесь пока не требовалась. Однако споры такие велись и ведутся. В России прошлого века Санкт-Петербургское Археологическое Общество проголосовало единогласно за 1700 год (разумеется, нашей эры) как хронологический предел археологии – всё, что позже, не должно считаться археологическими объектами. Тем не менее то и дело раздаются голоса за расширение пределов археологии вплоть до наших дней. Отсюда обозначение ветви, ведающей раскопками только что оставленных индейцами поселений – этноархеология. Действительно ли это часть археологии? Проблема рассматривается более подробно в моей книге «Археологические источники» (1978: 48 – 53; 1995: 94 – 103).

Споры о вещественной специфике археологического материала (в какой мере и в каких случаях относятся к нему природные объекты, не созданные людьми, – древесина, пыльца, кости и т.п.) важнее, ибо затрагивает вопросы разграничения наук и характер их интеграции, вопросы профессиональной специализации и достаточной широты рассмотрения.

Все проблемы, связанные с опознанием своего материала в мире, то есть с установлением археологичности объектов или, иначе говоря, с формированием предмета и границ археологии горячо и подробно обсуждаются в отечественной науке вот уже два десятилетия (Григорьев 1973; Клейн 1977а; 1978; 1986; Генинг 1983; и др.). В польской археологии эта дискуссия началась еще раньше (Trudzik 1965; 1971; Zak 1968; Hensel 1971; Urbanczyk 1981). В англоязычной литературе эта тема занимала не столь видное место, но все же можно назвать ряд работ, в которых она представлена (Binford 1968; 1983; Trigger 1970; Dymond 1974).

3. Интегративная функция (2). Эта функция логически продолжает предыдущую в том смысле, что осуществляется на том же материале, на тех же констатациях и связана с формированием предмета археологии. Речь идет о проблеме единства археологии.

Во многих странах археология формировалась не как одна наука – ее отрасли оказывались самостоятельными дисциплинами, даже входящими в разные группы наук. Это оформлялось созданием для них особых, отдельных институтов, журналов, кафедр, обществ.

Так, почти по всей Европе античная (классическая) археология развивалась и развивается отдельно от первобытной. Первая формируется в русле искусствоведения и филологии, вторая – как часть биологии. В Германии несколько десятилетий ею руководил патологоанатом Вирхов с соратниками – тоже меди-

ками. Да ведь и в России первобытные древности собирались вначале Бэром в Анатомическом кабинете, тогда как с музеями была связана классическая археология. В США первобытная археология входит в состав антропологии как комплекса наук (наряду с физической и культурной антропологией, этнографией и лингвистикой), а классическая археология туда не входит, да и вообще относится не к науке, а к гуманитарному знанию. В Германии и США эти отрасли и называются по-разному: термин «археология» закреплен только за классической археологией, а первобытная называется «праисторией», «преисторией». Восточная археология развивается где вместе с классической, где отдельно от нее. Средневековая археология, везде ориентированная на историю, кое-где в Средиземноморье смыкается с первобытной археологией, и обе они вместе образуют отечественную археологию, которая противостоит классической. В Германии столетие назад расхождение усугубилось конкуренцией и враждой этих двух дисциплин, достигнув уровня раскола.

От имени искусствоведов-классиков Кублер (Kubler 1961) и от имени первобытников Чжан Гуанчжи (Chang 1967) стараются обосновать это резкое разделение. «Столь глубоко в истории науки укоренилось это разделение археологии..., – пишет Чжан (Chang 1967: 137 – 138), что статус кво непреодолим, его рационализация безнадежна и всякий великий замысел объединения этих двух соперничающих подходов в одну главную дисциплину археологии очень рискован». Чжан знает о возможности отыскать нечто общее: «Это, однако, реальный вопрос – лежит ли общая методология в основе всех археологических школ. Или, менее амбициозно: не служат ли некие понятия, методы и терминологические структуры, по сути, сменными линзами для одной и той же главной камеры?» Он отвечает на этот вопрос отрицательно.

В Англии К.Хокс (Hawkes 1954), в России Рогачев (1975; 1978) выдвинули отсутствие письменных источников в качестве принципиального отличия первобытной археологии от археологии «исторической», как окрестил Рогачев все остальные ветви. Хокс не только разделил археологию на «ведомую текстами» (texttided) и «не имеющую текстов» (textfree), но и ввел подразделения первой, придумав специальные термины для них: протоистория, параистория, телеистория. Подразделения и термины не прижились (кроме первого, который существовал и раньше). «Но разве наличие или отсутствие письменных источников могут сказаться на содержании и специфике археологических исследований и их возможностях?» – резонно спрашивает Захарук (1978: 25).

Опыт России очень в этом плане интересен: здесь по традиции археология едина, и не испытывает от этого ни малейших затруднений.

Примечательно, что в ряде стран в названии обеих «половин» все-таки сохраняется термин «археология». Все это побуждает задуматься об их родстве. Все работники этих дисциплин – археологи, и все они пользуются одними и теми же в принципе методами и основными понятиями. На дискуссии 1968 года Микляев отрицал приложимость понятия «археологическая культура» к палеолиту. Имела место следующая перепалка:

«ГРИГОРЬЕВ: Вы неолитчик, я палеолитчик. Но все мы археологи, и основные понятия у нас должны быть общие. Астрономы занимаются звездами, все – разными, но у них есть общее понятие «звезда».

МИКЛЯЕВ: У нас разные источники. У вас, палеолитчиков, ничего, кроме кремешков и стратиграфии, нет; нет керамики, многих орудий труда.

ЛЕБЕДЕВ: Когда вы классифицируете материал, ту же керамику, вы пользуетесь понятием «тип»?

МИКЛЯЕВ: Пользуюсь.

ЛЕБЕДЕВ: Вы вкладываете в него другое содержание, чем палеолитчик, или нет? Нет. Почему же на более высоком уровне систематизации, когда встает вопрос о культурах, не сохраняется то же соотношение?

КЛЕЙН: Конкретные вещи у вас разные, но абстракции общие» (Клейн и др. 1970: 301).

Микляев мог бы ответить, что в культуру, в отличие от типа, по определению должны входить разные компоненты, из разных категорий. Однако количество разнородных компонентов в культуре ее определением не предписано жестко, а бедность палеолитических источников в высказывании Микляева была несколько преувеличена. Как мы знаем, культуры теперь успешно выделяются и в палеолите.

У всех этих отраслей, конечно, одна и та же теоретическая база. Когда Чайлд заявлял: «археология одна» (Childe 1957: VI), — он имел в виду именно это. Более того, исходя из того, что первобытная археология к этому времени опередила классическую и средневековую по пути развития концепций и методов, Чайлд заметил, что «если бы романисты и медиевисты могли перенять технику и категории, развитые для более древних периодов, многие проблемы истории были бы решены».

Эта проблема имеет и другой аспект. Поскольку теоретическое мышление в глазах многих должно быть тесно связано с идеологией, считается, что идеологические расхождения научных школ, национальных школ и т.п. должны приводить к резкой дивергенции теорий археологии, а следовательно, и вообще археологии. Указывая на распад «новой археологии», претендовавшей на то, чтобы быть куновской парадигмой для археологии, Б.Мюре (Munre 1961: 161) констатировал: «Теперь уже не одна археология или одна преистория, а много, в за-

висимости от философской или политической теории археолога».

Особенно преуспели в этой раскольнической деятельности идеологи советской археологии. В Советском Союзе всячески насаждалось убеждение, что марксистская археология – это совершенно новая, иная наука, чем вся остальная археология, именовавшаяся в советском обиходе буржуазной, что у нее иная теория, иные понятия, иные методы. Обсуждался даже вопрос, стоит ли «для такой науки ... сохранять при новом содержании старый термин» (Равдоникас 1930: 20) – обдумывалась замена термином «история материальной культуры» (на короткое время это было осуществлено). В конечном счете термин был оставлен старый, но еще долго советский археологический истеблишмент продолжал уверять себя и всех, что советская археология коренным образом отличается от остальной: «восприятие ею марксистско-ленинского научного мировоззрения и развитие в условиях социалистического государства создали, по существу, совершенно новую науку, занявшую почетное место в ряду других разделов исторического знания...» (Рыбаков 1967: 583).

Все это настолько въелось в сознание ортодоксально-марксистских кадров, что ведущие теоретики истеблишмента считали возможным выпускать капитальные труды по теоретической археологии, совершенно не используя в них зарубежную литературу – не потому, что это запрещалось (в какой-то мере это было разрешено всегда), и не только потому, что не владели языками, но и потому, что исходили из убеждения: там – совершенно другая дисциплина, не достигшая уровня подлинной науки, поэтому заниматься ею незачем, разве что для обличения и разоблачения.

Западные археологи нередко отвечали тем же. Американцы в своих археологических трудах примерно так же игнорировали не только русскую, но и немецкую археологическую литературу, правда, по существенно иным основаниям. Но ведь их очередное направление тоже претендовало на то, чтобы называться «новой археологией»....

Это уже не «соперничающие археологии» Чжана Гуанчжи, это враждующие археологии. Но они спорят об одних и тех же понятиях, и нередко на одном и том же научном языке. Как правило, чем больше какая-либо школа отстаивает свою уникальность и единственность, свою монополию на право считаться наукой, чем больше ее обособленность, тем более она отстает и приходит в упадок.

Что у археологов много философских и политических ориентаций, это несомненно – их всегда было много. Но когда некоторые наблюдатели этого разногласия говорят о многих археологиях, полезно подумать о том, сколь глубоко эти расхождения археологов проходят

внутри их дисциплины. Это различия интересов, и эти интересы могут обуславливать определенные предпочтения в выборе фактов и методов, да и определенные вероятности ошибок. Но методы приходится выбирать из одного и того же набора. И факты тоже. Несхожие по убеждениям археологи стремятся наполнить понятия разным смыслом, но это понятия из одной системы, и смысловые различия не столь значительны, чтобы археологи не понимали, о чем идет речь.

Помочь археологам ясно увидеть это и, несмотря на все различия, сохранить целостную науку, сохранить связи в ее рамках, должна теория археологии. Именно поэтому за все время не создано ни одной хоть сколько-нибудь значительной работы по теории античной археологии – теоретические работы античников были, но это работы об археологии вообще. Не создано и специальных работ, годных только для первобытной археологии. Поэтому также, когда выходит книга по теории археологии – о специфике ли источников, или о понятиях классификации, или о путях интерпретации, – за ней с равным интересом охотятся археологи всех отраслей.

4. Селективная функция (3). Прямым продолжением функции опознавательной оказывается селективная функция: даже после распознавания археологических материалов выбор и отбор материалов для каждого данного конкретного исследования производится соответственно теоретической установке.

Если принята нулевая теория, то есть принцип эмпиризма, то материал годится любой без разбора, а, по сути, незаметно для самого исследователя подбирается по его вкусовым и прочим пристрастиям. При этом, однако, считается желательным набрать побольше – чтобы обеспечить более широкую базу для обобщений. В основе – мысль: любой материал даст что-то новое. Вообще же, считают эмпиристы, нужно добиваться максимальной полноты, в идеале – собрать весь материал.

Если теория есть и в нее введены принципы статистики, то можно обойтись репрезентативными выборками. Если же теория руководствуется гипотезно-дедуктивной логикой и соответственно исследование ориентировано на проверку какой-то одной гипотезы, то сбор материала оказывается узко нацеленным: берется только то, что может подтвердить или опровергнуть данную гипотезу. Конечно, такой подход опасен, особенно при раскопках, так как раскопки разрушают памятник, и весь его остаточный материал, со всей потенциальной информацией, ненужной в данный момент исследователю и потому оставшейся незафиксированной, просто погибнет. Наконец, если принять вместе с Д.Кларком, что существует некая генеральная теория, некий общий для всех ло-

кальных и хронологических подразделений археологии набор принципов, понятий, методов и процедур, то логично заключить, что есть и стандартный набор проблем и задач, которые нужно обеспечить материалом, информацией – как бы некая анкета, вопросник. По этому достаточно широкому кругу вопросов, рассчитанному в значительной мере на сбор «про запас», и есть смысл собирать информацию.

В последние десятилетия методология сбора материала как теоретическая проблема (*sampling theory*) интенсивно разрабатывалась в американской и английской археологии (Binford 1964; Mueller 1975; Cherry et al. 1978; и др.).

Зависимость же подбора материала от поставленной конкретной проблемы исследования и доказывать нечего, а проблема эта либо прямо проистекает из господствующей теории, либо вызвана фактом, который в чем-то противоречит господствующей теории и тем самым порождает проблему.

5. Дескриптивная функция (4). Эта функция отмечается обоими археологами, писавшими о функциях теории, и некоторыми философами. Археологи, правда, в основном только разясняют, какое место занимает описание в археологических исследованиях и как оно проводится, тогда как задача заключается в ином – выяснить, составляет ли оно или какие-то его аспекты функцию археологической теории и, если составляет, то показать эту связь.

А связь есть. Ведь описание представляет собой перевод информации о материале в знаковую систему для фиксации, хранения, переработки и передачи. Такой знаковой системой для описания служит язык. Но исходным пунктом для опоры описания на теорию является то, что к тому времени, когда научное описание начнется, язык для него уже должен существовать. Существовать заранее, до того. Существовать со своими понятиями, в которых он способен отразить материал, его компоненты, свойства, меры, связи, изменения, движения и т.д. То есть заранее должна быть проведена достаточно развернутая категоризация.

Зависимость описания и даже первичной систематизации от языка, от существующих уже в нем категорий можно видеть на следующем примере. Как заметил Коз (Caws 1965: 33), «усвоение какого-либо определенного языка может повлечь за собой характерное для него деление и расчленение того, что непосредственно воспринимается». В самом деле, для англоязычных археологов «стоянки» (*campsites*) отличаются от «поселений» (*settlements*) тем, что на первых люди не жили подолгу, а вторые были долговременными. Русские же археологи традиционно отличают «селища» эпохи па-

леометалла от «стоянок» каменного века, хотя бы эти «стоянки» были столь же долговременными – в расчет принимается не длительность обитания, а только периодизация. Причем те и другие включаются в категорию «поселения».

Категоризация изначально существует в языке, растет и развертывается стихийно. Но археологический материал предъявляет к ней свои требования: во-первых, он имеет много объектов, уже не существующих в обиходе и потому не имеющих соответствий в действующей системе категорий, во-вторых, многие объекты испытали на себе действие времени и стихий, поэтому вообще имеют совершенно особый облик, в обычном обиходе не встречающийся; а в третьих, археологию интересуют свойства и связи, обычно не привлекающие внимания вне археологии (например, наличие патины, ударный бугорок, стратифицированность и т.п.). Поэтому с развитием науки (это касается и археологии) язык науки все время совершенствуется. Совершенствование идет главным образом именно по линии обогащения и рафинирования категорий, упорядочения их совокупности, дополнения ее многими абстракциями, уточнения их соотношений, организации их во все более строгую, стройную и богатую систему. А это, конечно, дело теории.

«Наш обычный язык заполнен теориями, – сказал Поппер (Popper 1965: 59). – ... Наблюдение всегда является наблюдением в свете какой-либо теории». Есть философы, которые сводят теорию к языку науки. Пусть они и не правы в своей абсолютизации, но разработка языка науки, в частности языка описания, несомненно, одна из задач теории, и язык этот – ее часть, ее компонент.

Сама смена ведущих теоретических концепций (-измов археологии) вводила в обиход все новые понятия и термины языка описания. Так, со времени прогрессистов, сторонников концепции «трех веков», в язык описания вошли понятия «замкнутый комплекс» (термин сложился потом), «*in situ*», «слой». Сторонники диффузионизма (включая миграционизм) не могли обойтись без понятий «локализация», «местонахождение», «ареал». Экологи заговорили о «природной среде» и «нише». Таксономисты отработали понятие «признак». Менялось и представление об основном объекте археологии – сначала в этой роли фигурировал «антиквитет», потом «памятник» и «сувенир», ныне «артефакт» и «археологический источник».

Каковы этапы развития средств описания?

1. Языком науки прежде всего выступает естественный язык. Явления описываются общими словами и выражениями, обычно без указания количественных характеристик. На этой стадии описание в археологии находилось во времена Винкельмана. Для целей сравнительного анализа стилей (направленность

явно теоретическая!) Винкельман сформулировал некоторые правила научного описания памятников древнего изобразительного искусства средствами естественного языка, и эти правила – полнота описания, внимание к мелочам, личный осмотр (описывать *in situ*) и т.п. – действуют до сих пор не только по отношению к памятникам искусства. Однако при всем богатстве и при всей гибкости естественный язык обладает рядом недостатков для этой роли – он слишком многозначен, расплывчат, избыточен, эмоционально окрашен.

2. Поэтому в нем, в его ткани стали специально вырабатываться для целей научного обихода отраслевые специальные языки, своего рода научные жаргоны.

а) Одна из их особенностей – наличие специальных терминов для научных понятий, в том числе понятий, предназначенных для научного описания. В идеале эти термины взаимосогласованы и составляют единую систему, по крайней мере, в рамках данного исследования, а лучше – в рамках целой научной школы, в какой-то мере это распространяется на всю отрасль. Термины условны и, если они хорошо продуманы, отличаются однозначностью и четкостью, наличием ясных дефиниций.

б) Другая особенность специального языка науки – сухой, точный, лаконичный и нейтральный стиль, избегающий двусмысленности, неявных переносных значений, подмены убеждений эмоциями и т.п.

в) Третья особенность – употребление аббревиатур вместо часто употребляемых слов, терминов и выражений.

г) Четвертая особенность – применение формул для показа зависимостей и связей, особенно в тех случаях, когда возможны количественные измерения и расчеты.

В археологии такой стиль описания понемногу вырабатывался издавна в записях коллекционеров и участников научных путешествий, но вполне сложился во второй половине XIX века в каталогах музеев и полевых дневниках экспедиций. Он стал применяться и в публикуемых отчетах экспедиций. В России Городцов в начале XX в. применял и табличную форму представления данных. Во второй половине XX века крупные археологические труды в виду отсутствия единого языка описания нередко снабжаются терминологическими словарями с дефинициями важнейших специальных терминов (примеры см. в: Клейн 1980:104; 1991:343).

3. Наконец, в последнее время под напором компьютеризации создаются специальные для целей научного описания дескриптивные (документальные, информационные) языки, которые отличаются сугубой формализацией, эксплицитностью и структурированностью. В них действует система редукции описания к простейшим операциям. Фиксация здесь про-

изводится специальными символами, по разработанному коду. Каталог медных изделий Южной Евразии между Дунаем и Индом и издан-то был в виде карточек с перфорацией и кодом (Desayes et Gardin 1956). Чтобы достичь единообразия в работе Гарден (Gardin 1963) предложил придерживаться трех наборов правил, определяющих ориентацию, сегментацию и дифференциацию объекта. Эти правила сами по себе – не теория, это методы. Но сама разработка этих правил, сама работа над усовершенствованием языка описания – дело теории.

На каждой ступени развития языка описания роль теории выступает все сильнее. Даже при описании на естественном языке мы укладываем то, что видим, в ту сеть категорий, ту сеть понятий, которой наука располагает к этому времени – соответственно наличной теоретической картине мира. Понятия эти еще не подлажены к нуждам археологии. Такая подладка, соответствующее взаимосогласование понятий внутри археологии, обзаведение их терминами ориентировано на принятое в данной концепции видение материала и понимание задач археологии, то есть руководствуется теорией. Еще яснее роль теории в создании дескриптивных языков, ибо вся эта работа заключается в дефинировании, согласовании, делении, разграничении абстракций, в логической организации идеальных объектов. Не случайно Гарден свою книгу, половина которой посвящена описанию, назвал «Теоретическая археология». Правда, эта шапка несколько великовата его книге: даже вместе со второй половиной это не «теоретическая археология», но это, несомненно, ее часть.

6. Систематизирующая функция (5). В какой-то мере она является логическим продолжением предыдущей, так как в силу категоризации всякое описание не только обобщает (это действие эмпирическое), но и подводит материал под категории, приведенные в некоторую систему, как-то, пусть даже очень примитивно упорядоченные. Строгое взаимосогласование и соподчинение этих категорий в соответствии со спецификой материала и задачами исследования создает научную схему упорядочения.

Если материал на основании сходств и различий распределяется по строго разграниченным ячейкам, подпадающим под стандартные категории, то это схема классификации. Если он группируется вокруг понятий, фиксирующих центры этих категорий, то это схема типологии. Как организовать совокупность классификационных или типологических понятий в должном соответствии специфике материала и задачам исследования, решает, конечно, та система положений, та программа действий, которая, собственно, и является теорией. В той части, которой общая археологическая теория

регулирует эти действия, она называется теорией археологической классификации (ср. Колпаков 1992) или теорией археологической типологии (Клейн 1991).

Нужно оговорить следующее: распределение эмпирического материала по ячейкам классификации или группировка его вокруг идеалов, называемых типами и стилями, это эмпирические действия – установление сходств и различий, идентификация, обобщение. А вот организация самой системы понятий, разнесение их по иерархическим уровням, разграничение и взаимосогласование, подчинение общим задачам исследования – это действия теоретические.

Тут есть целый ряд трудных вопросов: Можно ли совмещать задачи классификации и типологии в одной схеме? Насколько те ячейки, та группировка, те границы, которые мы устанавливаем в археологическом материале, присущи самому материалу, а насколько – зависят от произвола исследователя? Отражают ли они связи и разграничения, реально существовавшие в живой культуре? И т.д. Целый ряд подобных вопросов Чжан Гуанчжи выписал из работы Клакхона о типологии (Kluckhohn 1960; Chang 1967: 83), еще ряд можно увидеть в других работах (ср. Hill and Evans 1973:231, 268; Клейн 1991: 13,31 – 32). Все это вопросы теории.

Точности ради в высказывании Гардена на этот счет нужно отделить верную констатацию от преувеличения. «Ни один объект, – утверждает Гарден (1983: 62), – не может быть описан без хотя бы неявной опоры на существующие знания и без учета задач исследования, которые в свою очередь определяют надежную методологию описания по существу и по форме». Это, конечно, верно. Но Гарден продолжает: «Поэтому любой каталог, в особенности такой, который считается «толковым», является в той же мере теоретическим построением, как и любое историческое эссе». А вот это уже преувеличение или двусмысленность. Правильнее было бы сказать, что такой каталог опирается на теорию, использует ее, но это не теоретическое исследование, а эмпирическое, как, впрочем, и большинство исторических эссе. Иначе различие теоретических и эмпирических исследований просто утратило бы смысл.

Первые классификации создавали коллекционеры антиквитетов в эпоху Возрождения (да, вероятно, и в античности). Уже тогда среди их классификаций нередко были такие, которые сортировали вещи по функциональному назначению – ведь сами собой напрашивались аналогии с существующими в обиходе вещами: оружием, орудиями, украшениями. Винкельман добавил к этому классификацию по стилистическому принципу. Ко времени эволюционизма распределение по предполагаемым

функциям стало основной формой классификации. Тогда же стали строиться типологии, в них материал группировался по стилистическим и вообще формальным сходствам и различиям только внутри категорий, выделяемых по предполагаемому функциональному назначению (и только за такими категориями в русской археологии закрепился термин «категории»).

Уже одно то, что приходится отмечать гипотетичность этой основы, говорит о вмешательстве теории. Дело не в том, что в потенции (т.е. после подтверждения) гипотеза представляет собой теорию. Это удел не всякой гипотезы – есть гипотезы, которые стремятся превратиться в факт и по подтверждении превращаются в факт. Гипотезы о функциях как раз таковы. Но сам процесс определения функционального назначения вещей производится на основе представлений о функциональном устройстве древней культуры и способах его познания, а это – теория.

В культуре связь функции с формой детерминирована не жестко. Обычно есть известная свобода выбора формы для некой функции. А так как мы вынуждены определять забытые функции по наличным, откопанным формам, то в каждом отдельном случае задача исключительно сложна, а ключ мы вынуждены искать в системе форм данной культуры и предполагаемой системе функций, этому составу по идее соответствующей. Мы должны предварительно иметь некоторое общее представление о данной культуре, некоторые ожидания относительно функций, в ней действовавших. То есть выявление древней культурной структурированности материала чисто эмпирической процедурой невозможно. Это главная мысль моих работ по типологии (Клейн 19776; 1991; Klejn 1982), а впервые ее высказал Уолтер Тэйлор (Taylor 1948).

К этому наблюдению о зависимости первоначальных этапов исследования от дальнейших (о своего рода парадоксе опережения) можно еще добавить, что, становясь стандартными, классификационные ячейки быстро перекочевывают в профессиональный язык описания. И тогда уже нет надобности детально перечислять в описании признаки вещи – целый комплекс их, постоянно повторяющийся, можно заменить простым указанием на принадлежность к определенному ранее типу. Определенному ранее! – в этом разгадка парадокса опережения: первоначальные этапы исследования на поздней стадии изучения черпают информацию из завершающих этапов и результатов исследования, проведенного на предшествующей стадии изучения.

Роль теории подтверждается тем, что смежная ведущих теоретических концепций в археологии немедленно отражалась на ее классификационных и типологических понятиях. Так,

Винкельман и его последователи сделали орудием классификации «стили», эволюционисты ввели «типы», миграционисты добавили «культурную провинцию», диффузионисты-трансмиссионисты (искатели влияний и заимствований) – «археологическую культуру» и понятия «мотива», «мода» (термин прижился чуть позже), таксономисты отдали предпочтение «классу», «таксону», «признаку»; и т.д.

Еще заметнее воздействие смены ведущих археологических концепций на высшем уровне систематизации – при обобщении огромных массивов материала, скажем, континентального, если не глобального охвата. Катастрофисты и прогрессисты объединяли материал в крупные блоки по эпохам, по «векам» (таков путеводитель Томсена по Копенгагенскому музею). Эволюционисты, не отказываясь от эпох, считали их условными ступеньками развития, а для удобства прослеживания его предпочитали объединять материал в глобальном охвате (как Г.Мортилье в своих трудах). Миграционисты рассматривали материал соответственно путям миграций – таковы книги Г.Коссины. Диффузионисты трансмиссионного толка раскладывали его по зонам последовательного распространения влияний – именно так построены карты в знаменитой книге Г.Чайлда «У истоков европейской цивилизации». Таксономисты строили свои блоки соответственно формальному принципу, стараясь максимально приблизиться к нормам систематики. Археологи экологической школы, естественно, изучали материал, охваченный границами природных зон. И т. д.

Систематизация присуща теории по ее природе, так сказать – по определению: ведь теория в некоторых существенных отношениях и есть система законов, понятий и выводов. Теория систематизирует не только понятия, но и эмпирические регулярности, законы, стремясь установить между ними отношения параллельности и выводимости, а ее наибольшая организованность достигается тогда, когда все свои законы она оказывается в состоянии вывести из одного общего принципа. Для этого все их надо связать с ним логической субординацией, то есть объяснить из него. Иными словами этот уровень систематизации недостижим без объяснения (опять феномен опережения) и, собственно, оказывается аспектом реализации объяснительной функции.

7. Проблема объяснительной функции (6).

Эта функция в наличии у обоих археологов и у всех философов, причем ей у всех уделено наибольшее внимание – по-видимому, она считается основной. «С этой функцией, – пишет Радилловский (1985: 18), – связано решение основных задач в области классификации, поиска аналогий (выявления формальных сходств), датировки, картографирования, ин-

терпретации (исторической, культурологической, социологической)». Генинг (1989: 188) добавляет: «данная функция несомненно имеет приоритетное значение в научно-познавательной практике».

Связь объяснения с теорией трудно оспорить, если считать, что объяснение всегда прямо апеллирует к закону: ведь законы – ядро теории. «Потребность в объяснении – это потребность в теории», – афористично высказался социолог Зеттерберг (Zetterberg 1965: 11). Если, однако, понимать объяснение шире и поставить под вопрос приравнение истории к социологии по их интересу к законам, то проблема усложняется.

Под объяснением Генинг (1983: 188 – 189) понимает «раскрытие сущности, обусловленности описанных наукой объектов, явлений связей и т.п.», полагая, что «через научное объяснение теория выполняет свою основную функцию – познает законы развития исследуемых явлений и процессов прошлой исторической действительности». Суть объяснения он излагает по К.Гемпелю и П.Оппенгейму: в экспланансе непременно должен быть хотя бы один закон науки, под который можно было бы подвести объясняемые факты – экспланандум. Наши философы, однако, понимают объяснение более широко – как постановку явления в систему связей, а объяснение через закон – лишь как разновидность объяснения (Никитин 1970). Из главных типов объяснения, отмечавшихся в литературе, – каузального (в терминах причины и следствия), структурно-функционального (нахождением места в структуре и определением функций), генетического (через закон) – Генинг оставляет два последних и оба раскрывает как объяснения через законы – законы устройства и законы развития. И так, объяснение, по Генингу, – это подведение под закон.

Это вполне совпадает с тем, как понимают объяснение в наиболее ригористичном, наиболее неопозитивистском крыле американской археологии (см. Spaulding 1968; Fritz and Plog 1970; Watson et al. 1971), только там, как и везде на Западе, термин «генетическое» понимают как синоним термина «каузальное», а объяснение через закон называют номологическим или дедуктивно-номологическим. Позиция дедуктивистов подверглась разрушительной критике (Scuhuyler 1973; Morgnpan 1973; Levin 1973; и др.) и не получила признания. Отвергая абсолютный детерминизм в культуре, часть исследователей склоняется к мысли, что в археологии применимо структурно-функциональное объяснение (M. Salmon 1982; Renfrew 1982), другая часть отстаивает каузальное объяснение как особый вид вероятностного объяснения, наиболее подходящий для исторических наук, в том числе и для археологии (W. Salmon 1982; B. Smith 1982; Eggert 1982;

Mellor 1982; Triiger 1982).

Но *что* подлежит объяснению в археологии? Бинфорд, одним из первых введший в археологию дедуктивно-номологический принцип, вначале считал, что объяснять надо события и процессы в социокультурных системах прошлого, и объяснять из теории культурного процесса, формулирующей его законы. Позже у Бинфорда появились мысли, что перед тем, как изучать культурный процесс по источникам, надо объяснить сами источники. Некоторое время он еще полагал, что объяснять их следует событиями и процессами прошлого, но тогда ведь получается замкнутый круг, и Бинфорд пришел к выводу, что нужна особая наука об археологическом источнике, нужна соответствующая теория (Binford 1982). Для него оба этапа познания – познание источников и познание прошлого – есть археология, но для Рауза, как и для меня (Rouse 1972; Клейн 1976; 1978а; 1991), археология – это наука, изучающая материальные древности как источники познания далекого прошлого, а изучение затем самого прошлого по отпрепарированным источникам есть палеоистория (преистория и древнейшая история).

Конечно, становясь наукой, археология научается рассматривать и объяснять не только каждый артефакт в отдельности, но и большие совокупности материала, охватывая в конечном счете весь материал обитаемого мира и по всем эпохам человечества в целом. Она выявляет связи, сходства и различия между материалами разных регионов и эпох. Она не теряет из виду культурно-исторический процесс. Но это все равно не изучение культурно-исторического процесса, а изучение источников для понимания процесса.

Нетрудно заметить, что в археологической литературе до сих пор все споры шли о том, каков характер объяснения в палеоистории, ибо под именем археологии как исторической науки понимался весь путь познания прошлого, а объяснение концентрировалось на втором этапе этого пути – на перипетиях культурно-исторического процесса. Коль скоро археология оказывается особой источниковедческой наукой, вопрос о характере объяснения в ней надо решать заново.

На этом, первом, этапе познания прошлого нас интересует, что за объект мы обнаружили, каково было его функциональное назначение в древней культуре, о каких древних событиях и процессах он свидетельствует. Эти вопросы прилагаются к материалу любого объема – один ли артефакт перед нами или комплекс, множество однотипных комплексов. В исследовательской процедуре археологии это задача культурно-исторической интерпретации памятников, которая сродни задачам перевода с одного языка на другой, а также (в другой своей части) задачам детектива. А вовсе не зада-

чам историка. Таким образом, в применении к собственно археологии объяснительная функция оказывается функцией интерпретационной, и это выводит археологию из разряда исторических наук по ее непосредственным задачам и методам, по ее методологической природе (хотя и не по конечной цели).

Каков же характер объяснения в археологии, то бишь, механизм интерпретации?

Коль скоро события и процессы, способные послужить для объяснения облика и состава археологических источников, происходили в далеком прошлом и непосредственному наблюдению недоступны, основным типом объяснения в археологии следует признать объяснение по аналогии – модельное. Об аналогиях в археологии (в том числе об этнографических) написано меньше, чем они того заслуживают (см. Ascher 1961; Smolla 1964; Morwood 1975; и др.). С некоторым преувеличением, но не без основания Чжан Гуанчжи (1967: 109) заявил: «вся археология есть аналогия». Несмотря на огромное количество археологических книг и статей со словом «модель» в названии, о моделях в собственном смысле (Klejn 1973:75 – 77) написано еще меньше.

Из работ философов, методологов науки, известно, что объяснение по аналогии относится к числу индуктивных, вероятностных (Никитин 1970; Попов 1972: 181 – 183). Кроме модельного объяснения, применяются в археологии и другие. Коль скоро приходится определять функциональное назначение артефактов и сооружений, не обойтись без функционально-структурного объяснения. Оно также в основном строится индуктивно. А поскольку археологические объекты покоятся не в том состоянии и не в тех местах, которые были для них характерны в прошлом, когда они работали в культуре, и для понимания их функций нужно мысленно продвинуться от их нынешнего состояния и места к прошлым, мы выясняем, что привело их к нынешнему месту и состоянию, почему они оказались здесь и такими, – вступает в действие причинное объяснение. Причинное же относится к числу дедуктивных, хотя и не требует непосредственно универсального закона, не предполагает непременно абсолютного детерминизма.

Теперь можно выяснить, является ли такое объяснение функцией теории, т.е. какова роль теории в археологическом объяснении. И какой теории. Теория, как известно, предполагает наличие сильного закона или блока законов.

Начнем с причинного объяснения. За каждой причиной скрывается в конечном счете некая закономерность, пусть вероятностная (Кон 1969), а всякий исследователь стремится усилить вероятность, так что в пределе за причиной вырисовывается – как недостижимый идеал – абсолютный закон (Mellor 1982). Если

причинное объяснение предполагает законы динамики, то структурно-функциональное – законы статики (законы устройства, структуры). Наконец, объяснение по аналогии, апеллируя к частному случаю, казалось бы, обходит закон. Но ведь оно потому и возможно в науке, что предполагает наличие за явлением и его аналогом, за объектом и его моделью некоего комплекса сходств помимо тех, что легли в основание сближения, а следовательно, предполагает проявление в обоих объектах некой закономерности – той, что обусловила их сходство. Конечно, к этой закономерности явно апеллировать нельзя: она лишь подразумевается. Явно же в таком объяснении действуют другие закономерности, более общие, регулирующие выбор модели для данного объекта (конечно, вероятностные), и вообще отношения между всякими объектом и моделью.

В наше время уже очевидно, что основание для всех этих объяснений образует теория археологического источника и, более широко, теория интерпретации, опирающаяся на эмпирические обобщения из экспериментальной археологии, из этноархеологии и этнографии, а также на теорию синтеза, лежащую в основе так наз. исторической реконструкции и объединяющую все источниковедческие дисциплины как базу истории. Но ведь и в прежние времена объяснения делались тем же путем, только не так явно, не так строго и не так обоснованно. На месте теории была, так сказать, предтеория – нечто более расплывчатое и слабое. И все же можно проследить, как смена концепций в ней, вызванная общей сменой направлений, отражалась на господствовавших объяснениях.

Обзревая весь наличный материал своей науки и располагая его по шкале времени, археологи догадывались, что материал должен отражать непрерывную преемственность поколений. Однако таковой в материале не оказывалось, материал предстал в виде самодовлеющих хронологических блоков со слабыми связями между ними. Происхождение каждой археологической культуры оказывается загадкой. Почему? Каждый очередной археологический -изм начинался с попытки ответить по-новому на этот проклятый вопрос археологии (Клейн 1975).

Катастрофисты-креационисты и прогрессисты этим вопросом не задавались: Бог мог после каждого потопа или другого бедствия создать все заново. Но для эволюционистов это была уже проблема. Они решали ее с помощью предположения о лакунах в наших знаниях; их ключ к восстановлению порядка – missing link. Миграционисты объясняли разрывы сменой населения, инвазией, трансмиссионисты – влиянием соседних культур. Стадиалисты в СССР, подобно катастрофистам или прогрессистам, считали разрывы естественным делом и объяс-

няли их революциями. В Германии было разработано учение о латентном зарождении новых культур, недоступном археологическому выявлению. Приверженцы экологической школы упирали на изменения природной среды. Британские гиперскептики полагали, что это все результат условности наших заключений. И т.д.

Здесь совершенно очевидно, что эти объяснения связаны с теоретическими концепциями и имеют в них свое основание.

Остается еще добавить, что синдром методологического опережения работает и здесь: поскольку объяснение касается и функционального назначения вещей, полученные с его помощью определения в известной мере детерминируют последующие классификации, а следовательно и описания (ср. Trigger 1982:32).

8. Проблема предсказательной функции (7). Философы определяют предсказательную или прогностическую функцию как «важнейшую функцию всякой подлинно научной теории» (Рузавин 1978: 25). «Только благодаря наличию предсказательной функции, – поясняет Баженов (1973: 416), – теория перестает быть самодовлеющей, в себе замкнутой, становится практически полезной». Эта функция присутствует в списке у всех философов, а вот из археологов – лишь у одного, да и то в странном истолковании: как связанная с заменой частных теорий фундаментальными. Это явный нонсенс. Очевидно, в археологической реализации этой функции таится какая-то трудность.

Трудность эта, вероятно, проистекает из того, что предсказание обращено к будущему, а, по выражению Триггера, «будущее археологии есть прошлое» (Trigger 1970). Как же предсказывать, обращая предсказание в прошлое?

Одни ученые (например, Ракитов 1982: 289), стремясь сохранить для исторической и археологической теории в нерушимости функцию предсказания (должна же она быть у приличной теории!), «видоизменили» прошлое, оставив от него только какие-то намеки, и фактически подставили на его место будущее. Они говорят, что предсказать можно новые археологические открытия, места расположения новых находок, их облик. Но, во-первых, такие конкретные предсказания (их называют эвристическими) очень мало опираются на теорию и общие законы, больше – на эмпирические обобщения. Это просто расширение обобщенного факта, индукция. Во-вторых, ясно, что, хоть эти новые находки и относятся к прошлому, предсказан будет не их прошлый облик (он уже известен), а их новые обнаружения, то есть предсказывается не прошлое находок, а будущее исследования.

Другие ученые (например, Никитин 1966; 1970; Binford 1972: 333 – 334; Trigger 1973: 105; Оноприенко 1976) избрали противоположный путь – ради сохранения прошлого в месте на-

правленности функции они пожертвовали предсказанием как действием, обращенным в будущее, и стали вместо этого говорить о ретросказании или постсказании как о выводах, направленных в прошлое. Бинфорд (1972: 334) поясняет: «Единственный способ превратить ... современные наблюдения в утверждения о прошлом проистекает из нашей способности к ретросказанию – устанавливая на основе современных данных, какие условия в прошлом породили наблюдаемое в современности...». Но чем такие выводы отличаются от обычного объяснения прошлого?

Многие указывают на родство предсказания, соотв. ретросказания, и объяснения (Dray 1957:2; Hempel 1965: 176; Никитин 1970: 222 – 238; Trigger 1973: 105). Логическая структура их тождественна; то и другое есть вывод, причем вывод гипотетический. Объяснительную гипотезу проверяют через сопоставление ожиданий, выводимых из нее, с независимыми фактами. А что такое ожидание? Это ведь и есть предсказание или ретросказание, только с подчеркнутой неопределенностью (Zubrow 1973: 246). С другой стороны, предсказание или ретросказание, сделанное на основе одной лишь аналогии или корреляции, то есть на эмпирической основе, остается слабым, оно становится сильным, лишь если основа получила объяснение законом, из теории.

Но все же ретросказание и объяснение не совпадают. Отличие состоит в том, что если объяснение предполагает увязку одних объектов с другими, то ретросказание, как и предсказание, берется описывать, пусть и приближенно, предполагаемые объекты прошлого (или, соответственно, будущего).

Да ведь что значит описать предполагаемый объект прошлого на основе его видоизмененных остатков, фрагментов и следов в настоящем – так, как он выглядел в прошлом? Это значит осуществить его мысленную реконструкцию. Однако во многих случаях, а именно, когда фрагменты мелкие и их мало, можно их составить по-разному, а следы – по-разному истолковать. Значит, кроме фактов в реконструкции участвуют идеи, воображение, а если они строго организованы и обоснованы, то это – теория. Таким образом, в археологии предсказательная функция выступает как реконструктивная.

Роль теории тем выше, чем задача реконструкции шире, чем выше ее уровень, чем абстрактнее объект реконструкции – чем дальше от отдельного артефакта и ближе к событиям, к социальным связям, структурам и процессам. Но тем ограниченнее и детальность реконструкции, тем менее она конкретна.

Дело в том, что в культуре детерминация всегда неполна, ограничена, велики неопределенность, произвол личностей и коллективов, свобода выбора и, следовательно, роль слу-

чайностей. С таким материалом невозможны ни точное предсказание в деталях, ни полная адекватная реконструкция. Что ж, и в природе действуют не только абсолютные законы, но и законы вероятностные, статистические, тем не менее ученые делают на их основе достаточно надежные предсказания и (скажем, в геологии) реконструкции, отказываясь от ненужной детализации, отбрасывая излишнюю конкретику. Но специфика истории, которую обслуживает археология, как раз в том и состоит, что она не может слишком абстрагироваться от конкретики, не может вовсе отказаться от детализации. Она ориентирована не на выявление общих законов, а на установление конкретных фактов прошлого в их причинно-следственной связи (Dray 1957; Trigger 1973).

Поэтому собственно исторические реконструкции возможны лишь в редких случаях – когда дело касается недавнего прошлого, очень конкретной ситуации, очень хорошо обеспеченной источниками. В большинстве же случаев в истории фигурируют не исторические, а социологические или культурологические реконструкции. Что же касается археологических реконструкций, то они обычно не преследуют задач точного, детального восстановления индивидуального облика, удовлетворяясь – даже преимущественно к отдельным артефактам – восстановлением типовых особенностей. Так что в археологии реконструкции вполне реальны, но степень их полноты и адекватности обратно пропорциональна их приближенности к чисто историческим задачам.

9. Инструментальная функция (8). Под этим термином я имею в виду оборачиваемость теории методом. История науки учит, что теория, доведя свой операциональный аппарат до уровня стереотипности, становится методом (Овчинников 1968: 20 – 21). Ни в одном списке я этой функции не нашел. Между тем она тоже служит выходу теории в практику.

Так, Винкельман и Герхардт, исходя из теории (или, если угодно, предтеории), сопрягающей стиль с эпохой, разработали основы сравнительно-стилистического метода. Датские прогрессисты Томсен и Ворсе обратили свою схему «трех веков» в метод корреляции форм артефактов с эпохой и вышли к стратиграфическому методу. Эволюционист Монтелиус прославился изобретением типологического метода, основанного на принципе эволюции. Миграционисты, разработав территориальный аспект археологического материала, ввели в археологию картографический метод прослеживания древнего расселения. Другая ветвь диффузионизма – трансмиссионизм – привлекла Софуса Мюллера к разработке комбинационного метода синхронизации, а позже Шахермейра и Милойчича – к их критериям синхронизации. Таксономисты, естественно, довели

до изоэщенности методику классификации, а дескриптивисты – принципы и методику объективного описания материала. Экологизм (в большой мере проявляется как географический детерминизм) обогатил археологию авиаразведкой, фосфатным методом и другими техническими средствами и методами естественных наук. Теория стадильности, замешанная на интересе к производительным силам и борющаяся с «формальным вещеведением», породила функционально-трасологический метод Семенова. Сопрягательный подход Тэйлора и родственный ему британский гиперскептицизм способствовали развитию внутренней критики археологических источников и провоцировали противников на применение статистических методов. Процессуальная археология ввела многофакторный анализ и компьютерную симуляцию. Бихевиорная археология означала интерес к отраслям, специально нацеленным на разработку методов интерпретации: этноархеологии, срочной археологии и экспериментальной археологии.

10. Эвристическая функция (9). Выделения этой функции я не нашел ни у философов, ни у археологов, занимавшихся специально функциями археологической теории. Зато другие философы и археологи то и дело обращают внимание на роль теории в расширении кругозора археологов и совершенствовании их способностей.

«Каждая теория, – пишет американский философ-науквед (Kaplan 1964: 268, 302), – служит отчасти исследовательской директивой: теория руководит сбором данных и их последующим анализом, показывая нам заранее, куда эти данные подойдут и что мы из них сделаем, когда получим их... Теория функционирует во время исследования,... она руководит поиском данных и поиском охватывающих эти данные законов».

Археологи также отмечают нечто подобное. В их высказываниях отмечается несколько эвристических направлений. Первое – так сказать, внутреннее, в рамках избранной теории. «Главное назначение теоретической модели, – пишет Редман (Redman 1973: 20), – это помочь исследователю отбирать значимые переменные и значительные гипотезы из большого числа возможных».

Другое направление – внешнее. Это поиск новых идей, новых теорий. В занятой статье о взаимодействии типичных фигур археологии в формировании всякой новой парадигмы Шварц (Schwartz 1978) выделил фигуру Искателя, который дает начало всей затее, находя новые, неожиданные данные, не подсказанные действующими в это время теориями. Потом результат поступает к главной фигуре – Гению, который предлагает новые идеи, новые объяснения, новую теорию и тем самым приводит в

движение всю команду – Систематизатора, Защитников, Добытчиков, Учителей и Эклектиков. Очень славная схема, но начало изображено не совсем удачно.

Никто не может отрицать ценность новых данных, новых фактов, особенно если они неожиданны, но опыт учит, что их значение, по крайней мере в археологии, заключается скорее в проверке старой теории – с тем, чтобы ее поправить, видоизменить, ограничить или даже опровергнуть (кстати, ее противники – не обязательно новаторы, это могут быть и сторонники одной из старых теорий). Да ведь это вполне понятно: такой факт производит негативное воздействие – отрицает, опровергает, отводит, – но сам по себе он не является позитивным вкладом в теорию: он не создает новых идей, не дарует новых объяснений. А новая теория обычно зарождается иначе (теоретический анализ этой проблемы см. в: Клейн 1980). Принципиально новые идеи для новой теории должны прийти со стороны или быть произведены внутри данной дисциплины творческой личностью, способной комбинировать и перерабатывать массу информации – как поступившей извне, так и возникшей внутри дисциплины – тут уж из сопоставления ее существующих теорий.

Присмотримся к примерам, которыми Шварц проиллюстрировал свою фигуру Гения – Тэйлор и Бинфорд. «Льюис Бинфорд – это пример очевидного создателя парадигмы в современной американской археологии. Его работа привлекла многих молодых ученых в такой мере, что они мыслят о себе как о школе «новых археологов». Его роль – стимулировать работы других...» (Schwartz 1978: 158).

Однако в статье Шварца я не нашел конкретного Искателя, который бы поставлял Бинфорду непредсказанные факты с самого начала, и я не нашел там указаний на сами такие факты. Я не нашел их и вне статьи – нигде. Очевидно, их и не было. Более того, оказывается, что Гений был ориентирован изначально, в созидательный период, не на новые факты, а на старые идеи.

«Но сколь новы его идеи? – спрашивает Шварц о Бинфорде. – Они явно были предвзвешены, по крайней мере, Стюардом и Зетцлером (1938), Клакхоном (1948), Стюардом (1949) и Колдуэллом (1958)» (Schwartz 1978: 158). Сам Бинфорд (Binford 1972: 2 – 19) указывает на Уолтера Тэйлора, Олберта Сполдинга и Лесли Уайта как на источники инспирации своей новой программы. Можно добавить к списку его инспираторов еще и неопозитивистских философов Гемпеля и Нагеля. Я не хочу этим сказать, что Бинфорд не был самостоятелен или что он не создал ничего нового. Вовсе нет. Я лишь хочу подчеркнуть, что его новые идеи выросли из переработки старых идей, старых теорий.

А если мы обратимся к Уолтеру Тэйлору, то

увидим за ним фигуру его учителя Клайда Клакхона, инспирировавшего создание знаменитой книги Тэйлора, когда она была еще диссертацией... От Тэйлора заимствовали идеи не только «процессуальные» археологи, но и их противники – контекстуалисты (как Чжан Гуанчжи, Триггер), да и новые противники – постпроцессуалисты (как Ходдер).

Дэвид Кларк имел своих инспираторов и учителей в археологии и за ее пределами в лице Чайлда, философа Витгенштейна, в Новой Географии, Порядковой Таксономии, Теории Систем.

Таким образом, в очень большой мере теория порождает теорию.

Новая теория происходит из преобразования старых теорий. Как выразился Стюард (1949: 25), «теории не гибнут, разрушаемые фактами, они сменяются новыми теориями, которые лучше объясняют факты». Это происходит частично путем добавления новых идей из других дисциплин и социальной жизни, а частично – потому что рост самой дисциплины, развитие ее концепций имеет свою логику, так что их последовательность и смена – не просто игра случая. Винкельмановский принцип: «стиль – это эпоха», — перенесенный со скульптуры на формы орудий и оружия, помог прогрессистам осознать сопряженность материала и техники с эпохой (Томсен распределял ведь свои артефакты не просто по материалу!). Эволюционный типологический ряд, положенный на карту, становится диффузией. Марксистское учение о диалектическом скачке осмысливается в приложении к археологии как теория катастроф. Словом, в каждой теории заключено очень много для обусловливания путей к новой теории. Надо лишь знать эти теории и уметь работать с ними.

Об одной из теорий последнего времени Сполдинг (Spaulding 1973: 346) пишет: «Ценность общей теории систем и включенных в нее концепций из кибернетики по сути эвристическая: не открыто великих новых истин, но она на деле может стимулировать археологов исследовать свои данные новыми путями». У Рандсборга это заключение носит более общий характер: он предлагает «продвигаться индуктивно, используя различные теории как указатели возможных дальнейших направлений исследования и формировать не столько догматические статичные рамки..., сколько подходы» (Randsborg 1982: 425).

11. Контрольная функция (10). Однако выдвигать «догматические статичные рамки» – это тоже задача каждой новой теории, и никуда от нее не уйдешь. Дело здесь не столько в создании новой парадигмы для «нормальной» науки по Куну – это скорее следствие других задач. Дело в том, что любой закон науки тем более абсолютен или, если речь идет о вероят-

ностных законах, тем более силен (вероятность тем выше), чем уже ограничена область и сфера его применимости. Законы не только диктуют или (вероятностные) разрешают, но и налагают запреты.

«Ограничительная роль закона, существенно влияющая на его предсказательные функции, в наибольшей мере раскрывается в теории», – пишет философ Виноградов (Попов 1972: 189). – Помимо классов допускаемых явлений, «теория задает также класс запрещаемых явлений... Теория, которая бы ничего не запрещала, ничего не может ни описать, ни предвидеть. Поэтому процесс увеличения принципов запрета в теории связан с расширением класса описываемых, объясняемых и предсказываемых явлений».

Так, прогрессистская теория «трех веков» запретила обнаружение железных предметов в слоях и комплексах с каменными боевыми топорами. Аналогично, если мы встретим бронзовый кинжал в комплексе с кремневыми ручными рубилами, мы отнесем это либо к фальсификации, либо к перекопу. И дело здесь не просто в нарушенной корреляции – мало ли, может быть, мы просто не знали это необычное явление; может быть, оно – редкое. Суть в том, что теория объясняет, почему это явление невозможно.

Если же все-таки запрещенный факт надежно подтвердился, это основание для пересмотра теории, которая его запрещает – для ее ограничения или отмены. Так, существенно подорвало авторитет эволюционизма подтверждение палеолитического возраста пещерной живописи. Отстаивая очень постепенный прогресс человеческих способностей, эволюционизм запрещал палеолитическую древность пещерной живописи и потому объявлял ее фальсификацией, а она оказалась подлинной. Но пока доверие к данной теории не подорвано, пока ее основания широки и устойчивы, она служит критерием для проверки новых фактов и новых законов.

Итак, теория выступает как критерий научности новых открытий и направлений в археологии. Более того, как бы теории ни противоречили друг другу, они все же образуют некий теоретический фонд в виде вложений из разных теорий в теоретическую картину мира, на соответствие которой мы проверяем новые открытия. В теоретическую картину мира входят только очень устойчивые и очень надежные вклады разных теорий – принципы, понятия, методы проверки. Вот почему мы со спокойной душой отбрасываем все эти свидетельства о снежном человеке, об Атлантиде, о пришельцах и т.д. За этим спокойствием, за этой уверенностью стоит наше знание научной картины мира, пополнение и корректирование которой также входит в контрольную функцию археологической теории.

12. Синтезирующая функция (11). Из философов ее наиболее ясно описал Баженов. Из археологов Радилловский указал ее, но не раскрыл, как же она выглядит в археологии.

Суть этого феномена заключается в следующем. Всякая теория синтезирует материал – конденсирует эмпирическую информацию и упрощает ее мозаику. Тенденция к принципиальной простоте выражается в том, что теория стремится объяснить как можно более широкий круг явлений из как можно меньшего числа предпосылок. Поэтому всякой теории присуща тенденция к экспансии: теория начинает проникать в сферу компетенции других теорий и дисциплин. Особенно заметно эта тенденция сказывается при возникновении новых теорий: новая должна показать свое преимущество именно в том, что она объясняет и те явления, которые прежняя объяснить не могла.

Но при этом действует и фактор удержания результатов.

Как пишет Регирер (1966: 95), «только на предварительных стадиях одни теории просто отбрасывают, освобождая место другим. Когда теория уже подтверждена многими опытными фактами, обычно ее видоизменяют так, что новая теоретическая концепция включает старую в виде частного случая со всеми ее подтвержденными опытом результатами. Когда в объяснении фактов достигнут уже некоторого успеха, переход к другой теории будет возможен лишь при условии, если число объясненных фактов не убавится, а напротив, увеличится: уже достигнутые объяснения так легко не отбрасываются наукой».

Поэтому меня всегда забавлял тот запал, с которым сторонники и противники миграций или автохтонного развития отстаивали свои объяснения как принцип и начисто отвергали конкурентное объяснение, тогда как надо было лишь определить условия, при которых оказывается актуальным то или иное.

Влияния и заимствования, с одной стороны, и миграции – с другой долго конкурировали друг с другом в качестве объяснений массового появления новых элементов в культуре, хотя с самого начала у некоторых исследователей эти объяснения применялись на выбор как равноценные – оба явления, в сущности, суть разновидности диффузии (поэтому я и рассматриваю диффузионизм как широкую концепцию, объединяющую в себе две ветви – трансмиссионизм, предпочитающий влияния и заимствования, и миграционизм).

Но и диффузия выступает лишь как одно из возможных объяснений смены культур наряду с другими объяснениями – эволюцией, культурной и социальной революцией, воздействием природной среды и проч. Поэтому теории эволюции, диффузии, экологического воздействия, неолитической и городской революций и проч., в сущности, не должны противоречить

друг другу и могут рассматриваться как потенциальные части более общей теории смены культур – нужно лишь найти механизм включения этих объяснений как частных случаев в более общую схему объяснения. Мне думается, что идеи теории коммуникации предоставляют такие возможности (Клейн 1975; 1984). В свою очередь, эта теория может рассматриваться как часть более общей теории археологической интерпретации, и т.д. Попытки построить общую, центральную, как выражался Д.Кларк, теорию археологии, теорию общей археологии и т.п., вероятно, окажутся удачными тогда, когда будут осознаны как закономерное выражение синтезирующей функции всякой частной археологической теории и соответствующим образом ориентированы. Это избавит их от схоластичности, которая неизбежна, если они рассматриваются просто как проекция философской концепции на археологию.

13. Осветительная функция (12). Последняя по счету, но не по важности. Никто из приведенных исследователей ее не упоминал – вероятно, потому, что она самая очевидная. Как сказал один ученый (Регирер 1966: 101): «Теория подобна вышке, на которой устанавливают прожектора, освещающие площадку строительного участка».

В самом деле, без теории археолог, сколь бы опытен он ни был, вынужден во всех своих исследовательских операциях либо целиком подчиняться традиции, либо искать методом «тыка» (методом проб и ошибок). Теория, разворачивая перед ним схему соотношений в его материале и схему устройства его собственного инструментария, определяя цели и задачи, освещает ему пути продвижения и участок для работы. Конечно, обе схемы неполны, в чем-то искажают картину. Но из полевого опыта пользования несовершенными картами мы знаем, что лучше такая карта, чем ничего. Тем более, что «ничего» часто на деле означает слепое доверие к неопределенному и случайному путеводителю.

Археолог, вооруженный теорией, способен к сознательному творчеству, к дальнейшему развитию методики, к самостоятельному определению пути.

Как можно воспользоваться теорией в этом плане, показывает пример Мальмера, сумевшего усовершенствовать эволюционно-типологический метод «короля археологии» Монтелиуса.

Монтелиус велик не тем, что увидел эволюцию в типах (тут он не был первым), а тем, что открыл порожденную ею структуру в материале и связанные с этим возможности. Эволюция у него сосредоточилась в типологическом ряде типов, выраженных в типичных артефактах. Но один типологический ряд может быть и

случайным, показывать лишь кажущуюся эволюцию. Монтелиус проверял свои типологические ряды, находя параллельные линии развития – параллельные типологические ряды типичных артефактов и устанавливая между ними сопряженность посредством увязки некоторых звеньев из обеих линий развития замкнутыми комплексами. Эти комплексы скрепляют линии в некоторых местах и подтверждают их параллельность. Таким образом, без надежных замкнутых комплексов эволюционно-типологический метод Монтелиуса не работает. А ведь в археологии частенько встречаются ситуации, в которых надежные замкнутые комплексы отсутствуют.

Разобравшись в теоретической сути типологического метода, Мальмер увидел аналогии между замкнутым комплексом и артефактом – оба состоят из формальных элементов: первый – из вещей, второй – из деталей (или из признаков). Таким образом, он догадался, что в таком исследовании можно подставить на место замкнутого комплекса артефакт, а эволюцию, как сказал бы Рауз, модов (типов деталей) проследить вместо эволюции типов артефактов. Нужно лишь позаботиться о том, чтобы детали, выбранные на одном артефакте, были формально взаимонезависимыми. Заменив типичный артефакт типичной деталью, эволюцию типов эволюцией модов, связующие

замкнутые комплексы связующими артефактами, Мальмер сохранил параллельность линий и сопряженность. Таким образом, он расширил возможности типологического метода, освободив его от обязательной связи с надежными замкнутыми комплексами.

Заключительные замечания. Археологи с сожалением отмечали существующий разрыв между теорией и практикой в своей науке (см., например, Adams 1988). Предложенное здесь рассмотрение функций археологической теории имеет две цели и, соответственно, два адресата.

Прежде всего, хотелось бы, чтобы оно помогло археологам-практикам увидеть в теории не пустую забаву, не пижонское умничанье, а нечто необходимое всем профессионалам. Я старался показать те направления, на которых практики могут извлечь пользу из теоретических разработок.

С другой стороны, статья написана и для теоретиков. Теоретикам полезно не упускать из виду, для чего вся маета. Наука ведь не сводится к теории, о чем теоретики охотно забывают. Теория проверяется практикой – это значит: реализуется в ней. Теория существует не ради собственного изящества – она должна работать, функционировать, выполнять свои функции. В чем это заключается, я и хотел показать.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипов Г. А. 1987. Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск, Наука.
- Баженов Л. Б. 1973. Строеие и функции естественного-научной теории. Синтез современного научного знания. М, Наука: 390 – 420.
- Гарден Ж.-К. 1983. Теоретическая археология. М. Прогресс.
- Генинг В. Ф. 1983. Предмет и объект в археологии. Киев.
- Генинг В. Ф. 1989. Структура археологического познания. Киев.
- Григорьев Г. П. 1973. О предмете археологии. // Тезисы докладов Сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. М.: 41 – 43.
- Захарук Ю. Н. 1978. Археология или первобытная археология? (По поводу концепции первобытной археологии А. Н. Рогачева). // КСИА АН СССР, 152: 23 – 30.
- Клейн Л. С. 1975. Проблема смены культур в современных археологических теориях. // ВЛУ, 8: 95 – 103.
- Клейн Л.С.1976. Археология и преистория в системе И. Рауза. // СА, 1: 306 – 315.
- Клейн Л. С. 1977а. Предмет археологии. // Археология Южной Сибири. Кемерово, изд. Кемеровского университета: 3 – 14.
- Клейн Л. С. 1977б. Понятие типа в современной археологии. – Типы в культуре. Ленинград, изд. Ленинградского университета: 50 – 74.
- Клейн Л. С. 1978а. Археологические источники. Ленинград, изд. Ленинградского университета.
- Клейн Л. С. 1978б. Археологическая теория (Проблема статуса и дефиниции). // Проблемы археологии. Л, изд. Ленинградского университета: 8 – 17.
- Клейн Л. С. 1980. Структура археологической теории. // Вопросы философии, 2: 99 – 115.
- Клейн Л. С. 1981. Проблема смены культур и теория коммуникации. // Количественные методы в гуманитарных науках. Москва, изд. Московского университета: 18 – 23.
- Клейн Л. С. 1986. О предмете археологии. // СА, 3: 209 – 219.
- Клейн Л. С. 1991а. Археологическая типология. Ленинград, Академия наук СССР.
- Клейн Л. С. 1991б. Рассечь кентавра: о соотношениях археологии с историей в советской традиции. // Вестник истории естествознания и техники, 4:3 – 12.
- Клейн Л. С. 1997. Культурно-исторический процесс и теория коммуникации. // Грани культуры. Тезисы докладов и выступлений. Санкт-Петербург, б. и.: 107 – 110.
- Клейн Л. С., Миняев С. С., Пиотровский Ю. Ю., Хейфец О. И.1970. Дискуссия об археологической культуре в Проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета. // СА, 2: 298 – 302.
- Коплаков Е. М. 1992. Теория археологической классификации. СПб., б. и.
- Кон И. С. 1969. К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера – Гемпеля и ее критики). // Философские проблемы исторической

- науки. М, Наука: 263 // 295.
- Никитин Е. П. 1966. Метод познания прошлого. // Вопросы философии, 8.
- Никитин Е. П. 1970. Объяснение – функция науки. М., Наука.
- Овчинников Н. Ф. 1968. Методологическая функция философии в естествознании. // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. Отв. ред. Омельяновский М.Э. М, Наука: 9 – 42.
- Оноприенко В. И. 1976. Логика процедуры ретросказания в геологии. // Методология геологических исследований. Владивосток, Дальневосточный научный центр АН СССР: 154 – 167.
- Печенкин А. А. 1972. Функции научной теории. // Философия. Методология. Наука. М, Наука: 202 – 218.
- Попов П. В. (отв. ред.). 1972. Методологические основы научного познания. М, Высшая школа.
- Равдоникас В. И. 1930. За марксистскую историю материальной культуры (Известия ГАИМК, т.7, вып. III – IV). Ленинград.
- Радилловский В. В. 1985. К вопросу о построении научной теории в археологии. // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, Наука: 16 – 23.
- Ракитов А. И. 1982. Историческое познание. М, Политиздат.
- Регирер Е. И. 1966. О профессии исследователя в точных науках. М, Наука.
- Рогачев А. Н. 1975. О предмете и методе первобытной археологии. // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Ленинград, Академия наук СССР: 11 – 14.
- Рогачев А. Н. 1978. О предмете и методе первобытной археологии. // КСИА АН СССР, 52: 17 – 23.
- Рузавин Г. И. 1978. Научная теория. Логико-методологический анализ. М, Мысль.
- Рыбаков Б. А. 1967. Археология. // Октябрь и научный прогресс. Кн.2: М.
- Adams W. Y. 1988. Archaeological classification: theory versus practice. // *Antiquity* 62: 40 – 56.
- Ascher R. 1961. Analogy in archaeological interpretation. // *Southwestern Journal of Anthropology*, vol. 17: 317 – 325 (repr. in: Deetz J. (ed.). *Man's imprint from the past*. Boston, Little, Brown and Co: 262 – 271).
- Binford L. R. 1964. A consideration of research design. // *American Antiquity* 29: 425 – 441.
- Binford L. R. 1968. An archaeological perspective. // S. R. and L. R. Binford (eds.). *New perspectives in archaeology*. Chicago, Aldine: 5 – 32
- Binford L. R. 1972. An archaeological perspective. New York and London, Seminar Press.
- Binford L. R. 1982. Objectivity – explanation – archaeology 1981. // Renfrew A. C. et al. (eds.). *Theory and explanation in archaeology*. New York, John Wiley & Sons: 125 – 138.
- Binford L. R. 1983. In pursuit of the past. Decoding the archaeological record. London, Thames and Hudson.
- Caws P. 1965. *The philosophy of science*. Princeton.
- Chang K. C. 1967. *Rethinking archaeology*. New York, Random House.
- Cherry J. F., Gamble C., and Shennan S. 1978 (eds.). *Sampling in contemporary British archaeology*. Oxford, BAR (Brit. Ser. 50).
- Childe V. G. 1957. *Piecing together the past*. London, Routledge and Kegan Paul.
- Clarke D. L. 1968. *Analytical archaeology*. London, Mouton.
- Clarke D.L. 1970. Analytical archaeology: Epilogue. // *Norwegian Archaeological Review* 3: 25 – 34.
- Desayes J. et Gardin J.-C. 1956. Le fichier mécanographique de l'outillage: outils du Bronze de Balkans a l'Indus. Beyrouth, Institut français d'archéologie.
- Dray W. 1957. *Laws and explanation in history*. London, Oxford University Press.
- Dymond D. P. 1974. *Archaeology and history. A plea for reconciliation*. London, Thames and Hudson.
- Eggert M. K. H. 1982. Comment I: On form and content. // Renfrew C. et al. *Theory and explanation in archaeology*. New York et al. Academic Press: 139–146.
- Fritz J. M. and Plog F. T. 1970. The nature of archaeological explanation. // *American Antiquity* 35: 405 – 412.
- Gardin J.-C. 1963. Problèmes d'analyse descriptive en archéologie. // Courbin P. (ed.). *Études archéologiques*. Paris, SEVPEN: 133 – 155.
- Hawkes C.F.C. 1954. Archaeological theory and method: some suggestions from the Old World. // *American Anthropologist* 56: 155 – 168.
- Hempel K. G. 1965. *Aspects of scientific explanation*. New York, The Free Press.
- Hensel W. 1971. *Archeologia a prahistoria*. Wrocław, Ossolineum.
- Hill J. N. and Evans R. K. 1973. A model for classification and typology. // Clarke D. L. (ed.). *Models in archaeology*. London, Methuen: 231 – 273.
- Isaac G. LI. 1979. The philosophy of archaeology. // Clarke D.L. *Analytical archaeologist. Collected papers*. London – New York – San Francisco, Academic Press: 15 – 20.
- Kaplan A. 1964. *The conduct of inquiry*. San Francisco, Chandler.
- Klejn L. S. 1973. Marxism, the Systemic approach and archaeology. // Renfrew C. (ed.). *The explanation of culture change: models in prehistory*. London, Duckworth: 691 – 710.
- Klejn L.S. 1982. *Archaeological typology*. Oxford, BAR, Intern. ser., 157.
- Klejn L. S. 1993. To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition. // *Antiquity* 67 (255): 339 – 348.
- Kluckhohn C. 1960. The use of typology in anthropological theory. // Wallace A. F. C. (ed.). *Selected Papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, 1956*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press: 141 – 151.
- Kubler G. 1961. Rival approaches to American antiquity. // *Three regions of Primitive art*. New York, The Museum of Primitive art.
- Levin M. 1973. On explanation in archaeology: A rebuttal to Fritz and Plog. // *American Antiquity*, 38: 387 – 395.
- Mellor D. H. 1982. Probabilities for explanation. // Renfrew C. et al. (ed.). *Theory and explanation in archaeology*. New York et al., Academic Press: 57–63.
- Morgan C. G. 1973. Archaeology and explanation. // *World Archaeology*, 4: 259 – 276.
- Morwood M. J. 1975. Analogy and the acceptance of theory in archaeology. // *American Antiquity*, 40: 111 – 116.
- Mueller J. W. (ed.). 1975. *Sampling in archaeology*. Tucson, University of Arizona Press.
- Myhre B. 1991. Theory in Scandinavian archaeology since 1960: A view from Norway. // Hodder I. (ed.).

- Archaeological theory in Europe. The last 3 decades. London and New York, Routledge: 161–181.
- Popper K. 1965. The logic of scientific discovery. New York, Harper torchbooks.
- Randsborg K. Theoretical approaches to social change: An archaeological viewpoint. // Renfrew C. et al. (eds.). Theory and explanation in archaeology. New York et al., Academic Press: 423 – 430.
- Redman Ch. L. 1973. Research and theory in current archeology: An introduction. // Redman Ch. L. (ed.). Research and theory in current archeology. New York et al., John Wiley: 5 – 20.
- Rouse I. B. 1972. Introduction to prehistory. New York, McGraw Hill.
- Salmon M. H. 1982. Models of explanation: Two views. // Renfrew C. et al.(eds.). Theory and explanation in archaeology. New York et al., Academic Press: 35–44.
- Salmon W.C. 1982. Causality in archaeological explanation. // Renfrew C. et al.(eds.). Theory and explanation in archaeology. New York et al., Academic Press: 45 – 55.
- Schuyler R.S. 1973. Review of Watson et al. // American Antiquity, 38: 372 – 374.
- Schwartz D.W. 1978. A conceptual framework for the sociology of archaeology. // Dunne R. C., Hall E. S. (eds.). Archaeological essays in honor of Irving B. Rouse. The Hague et al., Mouton: 149 – 176.
- Smith B. D. 1982. Explanation in archaeology. // Renfrew C. et al. (eds.). Theory and explanation in archaeology. New York et al., Academic Press: 73 – 82.
- Smolla G. 1964. Analogien und Polaritäten. // Uslar R. v. und Narr K. J. (Hrsg.). Studien aus Alteuropa. Bd.I. (Beih. d. Bonner Jahrbücher, 10/1). Köln – Graz: 30 – 35.
- Spaulding A. C. 1968. Explanation in Archaeology. // Binford S. R. and Binford L. R. (eds.). New perspectives in archaeology. New York et al., Academic Press: 33 – 40.
- Spaulding A. C. 1973. Archeology in the active voice: the New Anthropology. // Redman Ch. L.(ed.). Research and theory in current archeology. New York et al., John Wiley: 337 – 354.
- Steward J. H. 1949. Cultural causality and law: A trial formulation of the development of early civilisation. // American Anthropologist 51: 1 – 27.
- Taylor W. W. 1948. A study of archaeology. Menasha (American Anthropological Association Memoir 69)
- Trigger B. G. 1970. Aims in prehistoric archaeology. // Antiquity, vol.44 (173): 26 – 37.
- Trigger B. G. 1973. The future of archaeology is the past. // Redman Ch.L. (ed.). Research and theory in current archeology. New York et al., John Wiley: 95 – 111.
- Trigger B. G. 1982. Archaeological analysis and concepts of causality. // Culture II (2): 31 – 42.
- Trudzik Z. 1965. Źródła archeologiczne na tle problematyki kultury. // Archeologia Polski, 10 (1): 42 – 47.
- Trudzik Z. 1971. O przedmiocie archeologii i jej procesie badawczym. // Acta universitatis Wratislaviensis, Studia Archeologiczne. Wrocław, 4: 5 – 56.
- Urbanczyk P. 1981. Archeologia współczesności. // Archeologia Polski 26 (1): 49 – 63.
- Watson P. J., LeBlanc S. A., Redman C. L. 1971. Explanation in archaeology: An explicitly scientific approach. New York and London, Columbia University Press.
- Zetterberg H. 1965. On theory and verification in sociology. Totawa, N. Y.
- Zubrow E. 1973. Adequacy criteria and prediction in archaeological models. // Redman Ch. L. (ed.). Research and theory in current archeology. New York et al., John Wiley: 239 – 255.
- Żak J. 1968. Archeologia w systemie nauk historycznych. // Archeologia Polski, 13 (2): 455 – 473.